Чейзер

Автор:
Вероника Мелан

Чейзер

Вероника Мелан

Знаки соблазнаЧейзер #1

От смерти можно убежать. А от себя? Мак Аллертон – человек, не знающий жалости. От него невозможно уйти, его охота всегда заканчивается смертью жертвы. Думала ли Лайза, решая помочь другу, что это приведет на ее след карателя? Думала ли она, что за сутки ее жизнь изменится – и она будет нестись по трассе, пытаясь убежать от самой смерти? Но никто из них не подозревал, что погоня приведет их в водоворот ослепляющей страсти и темных чувственных наслаждений…

Вероника Мелан

Чейзер

© В. Мелан, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Из размышлений Лайзы Дайкин

Если бы кто-то заранее сказал, что случится в ту ночь, мне пришлось бы бежать из города еще до восхода солнца: собирать чемоданы, снимать всю наличность или же вообще выскакивать из дома босиком, наспех побросав в сумку самое необходимое. И тогда меня вряд ли интересовало бы, успею ли я попрощаться с друзьями или сообщить начальнику о вынужденном отпуске. Да, я дорожила своей работой, но не раздумывая поступилась бы ей, знай наверняка, что это позволит избежать роковой встречи.

Однако меня никто не предупредил, и именно та ночь воплотила в реальность один из давних мифов – миф, в который не верили. Миф, которого боялись.

Иногда я нервно смеялась, вспоминая это, но чаще вздрагивала и оглядывалась по сторонам.

Парадоксально, но реши я остаться, а не уехать, меня не спасли бы ни крепость вместо квартиры, ни бетонный бункер, ни пара зенитных установок. Ничто не способно помочь жертве, если ее имя уже значится в списке, а нога охотника ступила на окутанную тьмой землю. Тот, кто видит в темноте и чует запах крови издалека, сумеет найти где угодно.

Многим позже я поняла, что стоять лицом к лицу перед врагом не страшно. Страшно, когда он – невидимый, неосязаемый, беспощадный – может ударить издалека.

Глава 1

Восьмисантиметровые шпильки с металлической набойкой – вот о чем она пожалела больше всего. Нет, ноги привыкли к хождению на них, стопы не болели, лодыжки хорошо держали нагрузку, а вот звук…

Казалось, по пустынной улице идет не одна, обутая в туфли девушка в модных джинсах и с сумочкой в руках, а полк пьяных блондинок, возвращающихся с вечеринки.

Черт бы подрал это эхо.

Лайза нервничала, оглядываясь по сторонам.

Тротуар чист, ночной ветерок запутался в кронах деревьев, растущих на обочине, с плаката, украшающего торец автобусной остановки, белозубо и заученно скалился мужчина. Сейчас, уже за полночь, никто не любовался его улыбкой, призванной прорекламировать зубную пасту. Рядом с урной валялась неровно разорванная бумажка от шоколадки «Твитти» и белели продолговатые спинки выплеванной прямо на асфальт шелухи. Днем в ожидании транспорта кто-то щелкал семечки.

Лайза поморщилась, проходя мимо, и зачем-то посмотрела на темное небо.

Тепло. Тонкие сероватые облака, через которые проглядывают звезды; дождя не намечается.

Стук каблуков, удваиваясь, отражался от стен домов и потухших окон.

Цок-цок, цок-цок…

Вот уже не в первый раз за этот вечер накатила волна страха: казалось, из каждого окна наблюдают чьи-то глаза – пристальные, холодные, равнодушные. Провожают мимо, чтобы снова поймать на крючок в следующем оконном проеме. «Я вижу тебя… я слежу за тобой… я знаю, что ты сделала…»

Сердце в груди затрепыхало, как птичка.

Но она ничего не сделала! Ровным счетом ничего! Она приличная и законопослушная жительница Нордейла. Умная, да и чего греха таить – красивая, немного надменная и иногда островатая на язык, но это единственный недостаток, а в остальном же идеальная гражданка. Работает, платит налоги, никого не подсиживает, наркотиками не торгует, даже не курит их на вечеринках у Олли (где их курят почти все), ежемесячно делает отчисления в фонд помощи бездомным, всегда поддерживает друзей, ответственна, держит обещания, любит красиво одеваться… Ну, последнее, наверное, вообще к делу не относится и недостатком не является. Кто же не любит хорошо выглядеть,

когда может себе это позволить?

Лайза поежилась, когда по спине вновь пробежал холодок.

Что за черт? Ночь теплая, на дворе июнь, ветра почти нет, а каждый волосок на теле стоит дыбом. Откуда взялась эта мания преследования? Не в первый раз она одна на улице ночью. Машина уже за углом. Если немного ускориться, то через минуту можно будет нырнуть в ее мягкий салон.

Незаметно она перешла на бег. Ощущение взгляда со спины сделалось отчетливее; по затылку поползли мурашки, словно кто-то царапал невидимыми лапками. Почему-то хотелось юркнуть в первый попавшийся темный закоулок и застыть. Спрятаться, затаиться и перестать дышать.

Пусть он пройдет мимо, пусть он пройдет мимо… Может быть, он проедет и не заметит?

Кто?! О ком она вообще думает?

Это все бумаги…

Эта все чертова папка, что лежит в болтающейся на плече сумке. Если бы только она не взяла ее, если бы сумела отказаться, настоять на своем…

Но не смогла. И теперь должна продержать ее у себя еще двенадцать часов. Меньше: всего восемь с половиной. Всего каких-то восемь дрянных часов – и паника схлынет.

Шпилька попала в трещину – набойка отлетела в сторону и осталась лежать на асфальте. Лайза на мгновение остановилась, критически оглядела каблук, стиснула зубы, сжала мягкий ремень кожаной сумки и бросилась вперед.

Когда из-за угла показался капот Миража, ощущение беды не пропало, а наоборот, усилилось.

Черт бы подрал этого Гарри, черт бы подрал эти секреты, что ей не принадлежат. Зачем все это, зачем? Ведь была хорошая, налаженная,

размеренная жизнь.

Эх, Гарри-Гарри.

* * *

Этим утром он пришел к ней домой.

Впервые за два года совместной работы в «ИнтероАрт» он пожаловал прямиком в квартиру на Оушен-драйв, но на этот раз он не был похож на самого себя.

Гарри Олдридж.

Любой, кто слышал это имя, сразу представлял перед собой расфуфыренного хлыща в костюме от Марди, за версту благоухающего одеколоном «ЛексанСпорт» и насвистывающего «Милашку Розу». Да, Гарри всегда насвистывал именно эту мелодию, когда не ругался с боссом во время митингов, не пытался соблазнить секретаршу Джил и не жевал бутерброд с луковым хлебом, после которого обязательно засовывал в рот пластинку жевательной резинки. И никто, включая ее, Лайзу, по внешнему виду не мог признать в этом человеке профессионального дизайнера-проектировщика; скорее талантливого жиголо, директора цирка или же неунывающего конферансье с нездоровым блеском в глазах, который появляется после глотка бренди утром натощак.

Вот таким был Гарри: слишком ярким и голосистым, приторным или напористым. А иногда просто слишком.

Но потным, бледным и трясущимся он не был никогда. Не до этого утра, когда Лайза, вытирая полотенцем волосы после душа, услышала дверной звонок, на который по какому-то странному наитию сразу же не захотела реагировать. Однако интуиция – та самая вещь, которую железная логика чаще всего предпочитает запихивать в чулан. Мол, чего голосить зазря? За дверью всего лишь почтальон или сосед по этажу, решивший побаловать мисс Дайкин свежими круассанами в надежде получить положительный ответ на приглашение. Свиданий не было ни разу, но настойчивый парень продолжал раз в неделю атаковать заветную дверь.

Однако на этот раз по ту сторону порога оказался не почтальон и не сосед, а именно такой – непривычно бледный, взъерошенный и странно-помятый – Гарри.

Гарри с папкой в руках.

– Возьми, Лайза, возьми! Ненадолго! Не могу хранить это у себя.

Она упорствовала с решимостью барана: что за секретность, почему не оставить в камере хранения, почему не доверить кому-то другому? Что внутри? Зачем, ей, Лайзе, лишние проблемы? Наверняка это не счета за электричество и не любовная переписка вахтерши Дэйзи Огринс с уборщиком Клаусом. А если так, то не пошел бы ты, Гарри, к черту?

Нет, внешне она старалась быть вежливой. Учтивость помогала скрыть нахлынувший страх, особенно когда Гарри перешел на откровенный шантаж:

– Дайкин, я прикрывал тебя перед шефом, помнишь? Когда ты решила пропустить пару деньков, встретив того хлыща и уехав с ним к озеру. Помнишь или уже забыла?

Лайза помнила. В тот раз Олдридж действительно проявил понимание и наплел боссу с три короба о некой болезни, которая из-за высокой температуры приковала его коллегу к постели почти на трое суток. Даже помог со справкой от несуществующего доктора.

Гарри трясся, потел, дрожал и запугивал. Он махал перед лицом странной папкой до тех пор, пока она не взяла ее.

Всего лишь на двенадцать часов, так он сказал.

– Я заберу папку утром. Не оставляй ее без присмотра и не открывай. Это все, что от тебя требуется.

Когда дверь захлопнулась, Лайза осталась стоять в коридоре с полотенцем в левой руке и белым картонным прямоугольником в правой.

За воротник махрового халата с мокрых прядей стекала вода.

* * *

Лайза вкладывала деньги в две вещи: дизайн собственной квартиры и в нее – стоящую на обочине машину темно-синего цвета.

Мираж.

Многим казалось, обычный седан, ничего примечательного: как и у всех машин четыре колеса, четыре двери, багажник и капот. Да, они были правы – багажник и капот. Вот только что под капотом?

Почему они не могли выигрывать уличные ночные гонки, а она могла и даже выигрывала? Странное увлечение, не девчачье, но кого это заботит? Почему большинство автомобилей при дрифтах уносило в сторону, а Мираж оставался словно пришитым к дороге? Почему при полицейских разворотах он вел себя идеально точно: ни единого лишнего взвизга, ни сантиметра влево или вправо, ни хрипа двигателя?

Они не знали, а Лайза знала. Мираж был не просто машиной, он был другом, наслаждением, отдушиной, тайной любовью. На него уходила половина каждой зарплаты, на него тратилось столько времени, сколько не тратилось ни на одного бойфренда, но каждый вложенный цент, каждая минута того стоили. Да, часы на гоночных треках, оттачивание скольжения по боковой линии, множество повторений и поначалу неудачных попыток, два ремонта и несколько травм. Подумаешь… Кто-то играет в теннис, кто-то стреляет в тире, а она, Лайза, гоняет по ночным дорогам. Каждому свое. Она не собиралась ни объяснять подобное хобби, ни оправдывать его перед теми, кто не понимал и не чувствовал наслаждения от езды.

Проспект, прилегающий к тесной улице с автобусной остановкой и улыбающимся с рекламного плаката парнем, был освещен куда лучше.

Когда до машины оставалось всего несколько шагов, Лайза стянула с плеча сумку и, открыв ее, принялась рыться в ней в поисках ключей. Пальцы скользнули по гладкой поверхности картонной папки. Нога пошатнулась на сбитом каблуке – придется отдать в ремонт или купить новые, те, что она видела в «Лавеле» вчера. Ярко-красные, классические, с оранжевой полосой из

змеиной кожи. Дорого, но красиво.

Ключи нашлись на самом дне сумки.

До того, как сзади послышался хаотичный топот ног, она успела нажать на брелок, разблокировать сигнализацию и даже открыть дверцу.

– Хватай сумку!

Сразу за незнакомым хриплым голосом последовал рывок. Ей даже не позволили развернуться – толкнули в спину, вырвали из конвульсивно сжавшейся ладони кожаный ремень, а после ударили по затылку чем-то тяжелым.

Последнее, что Лайза Дайкин запомнила, соскальзывая на асфальт, было отразившееся в окне Миража выражение собственного искаженного страхом лица, расплывчатые тени за спиной, острая боль в затылке и звук удаляющихся шагов.

Через секунду мир померк, а брелок с ключами выпал из ослабевших пальцев.

* * *

Идеальный овал лица, черные волосы, выразительные синие глаза и тонкие, изогнутые дугами, брови. Лайза Дайкин.

Мак Аллертон около минуты изучал лицо на фото в поисках изъяна, а не найдя такового, незаметно передернул широкими плечами.

И как такие ввязываются в преступления? Почему сходят с прямой дорожки, суются туда, куда не следует, и как результат – влипают в неприятности? Что ими движет: корысть, жажда быстрой наживы, лень выполнять обычную ежедневную работу, нехватка острых ощущений?

По крайней мере последнее он ей сегодня предоставит.

Приказ пришел поздно, уже за полночь. Аллертон еще не спал, но собирался отойти ко сну. Когда пропищал тонкий сигнал, он быстро поднялся с кресла, на котором читал при свете торшера, снял датчик с пояса, подключил его в специальный порт системного блока и принялся ждать.

«Чистые листы с гербами и голографическими печатями Комиссии перешли в руки указанного объекта. Листы конфисковать. Объект удалить. При передаче искомого третьим лицам получить информацию и зачистить участников».

Коротко и ясно.

Мак снова посмотрел на фото, запоминая черты лица, по ним он воссоздаст мысленный образ цели, которую сможет отыскать в любой точке пространства. Женщина или нет, красивая или уродина – через минуту она превратится в обыкновенную мишень, не больше и не меньше, потому что он, Мак Аллертон, прозванный Чейзером за умение находить жертву, используя лишь внутреннее чутье, встанет на след – плотно, болезненно, на убой.

С монитора на него с безмятежностью моря в полный штиль смотрели синие глаза; по лицу и не предположишь, что такая может оказаться ввязанной в криминал, пустой гнилушкой с внешностью модели. Жаль.

Хотя «жаль» для киллера, работающего в составе отряда специального назначения, являлось лишь словом, а не чувством. Мимолетной мыслью о том, что с такой мордашкой, останься душа честной, можно было бы жить долго и счастливо.

Сегодня не повезет ей, завтра – кому-то еще. Поток жертв бесконечен. Любой, решивший перебежать дорогу Комиссии, раньше или позже платит за это. Чаще раньше. Да, чаще всего очень рано, если к делу подключают того, кто способен еще издалека затянуть на шее мысленный аркан – его, Чейзера.

Все, детка, я иду за тобой… Прячься. Это хотя бы создаст иллюзию того, что ты пыталась бороться…

Когда монитор погас, а шум вентиляторов стих, Мак прикрыл глаза и запустил мысленный процесс поиска. Визуализировал лицо с фото и коснулся энергетического шлейфа, привязанного к телу, – местоположение объекта

определилось сразу, а вот внутреннее состояние удивило. Девушка не то пребывала в беспамятстве, не то в глубоком алкогольном опьянении. В любом случае обычный сон ощущался иначе.

Что ж, если пьяная, то последний час жизни хотя бы проведет навеселе. Аллертон положил ключи от автомобиля в карман и выключил торшер.

Обычная работа. Проблем не предвиделось.

* * *

В затылке простреливало, виски пульсировали, в горле першило.

Неуклюже забравшись в салон машины, Лайза захлопнула дверцу, положила голову на руль и зашипела от боли. Накатывала тошнота.

Черт бы подрал этого Гарри, эти чертовы бумаги и этих сволочей, ударивших сзади. Сколько она пролежала там, возле машины, – минуту, пять, полчаса? Сумки нет, а с ней нет и документов, кредитных карточек и ключей от дома. Что за гребаный день? Запасной дубликат хранится у вахтера, без знания кода сигнализацию квартиры не вскрыть, но что с того? Все равно придется менять замок, перезаказывать карты, восстанавливать идентификатор личности. Хорошо, что ключи от машины успела вытащить до удара, иначе бы голосовала сейчас на обочине без денег, грязная, вся в крови. Ни один идиот не согласился бы подвести такую… Разве что пристрелить, чтоб не мучилась.

Какое-то время она сидела неподвижно, навалившись на руль, ждала, пока утихнет боль. Любая попытка пошевелиться вызывала новый приступ тошноты. Спустя несколько минут Лайза кое-как превозмогла желудочные спазмы, пристегнулась и завела машину.

Перекресток зиял пустыми полосами, и зловеще горел красный сигнал светофора. Темнели в домах окна, лениво лился желтоватый свет фонарей на ночной тротуар.

Дорога через центр города займет не менее полутора часов – кому нужны эти регулировщики движения в ночное время суток, ведь на дворе никого? А вот

если свернуть на окружающее Нордейл шоссе…

Равномерно и тихо работал двигатель. В ожидании переключения на зеленый сигнал Лайза поморщилась (нет, через центр она не поедет) и, как только зловещий красный наконец погас, вывела Мираж на соседнюю улицу.

Сначала на Каннский проспект, а оттуда через спальный район на шестиполосную магистраль.

Шоссе Н-6 огибало Нордейл по периметру – удобная кольцевая дорога с ответвлениями на Хааст, Ланвиль и Делвик. Фонарей почти нет, ближайшая заправка через девяносто километров. За окном мелькали низкорослые кусты, под колеса мерно утекали белесые прямоугольники разметки.

Лайза слушала успокаивающий гул двигателя, смотрела на темный горизонт и попеременно думала то о Гарри, то о необходимости визита к доктору, то об утерянных кредитках.

Кровь перестала течь по затылку, запеклась на шее; блузка от Мано прилипла – теперь не отстирать. Черт, сначала туфли, потом сумка, теперь еще и это. Едва ли эта ночь могла стать хуже.

За окном мелькнуло ответвление на Хааст: две правые полосы отделились и плавной дугой завернулись бетонным кольцом, превращаясь в новую дорогу, которая через полминуты растворилась в зеркале заднего вида.

Руки подрагивали на руле, асфальт шуршал под колесами, приземистые столбики мелькали по краю дороги, свет фар заставлял верхушки отражателей поблескивать желтым.

Пульсация в висках постепенно утихала, ехать стало легче. Ночь, несущийся по шоссе одинокий Мираж и две широкие полосы света, льющиеся на бесконечную ленту шоссе.

Хотелось ускориться, поскорее попасть домой, принять таблетки и уснуть, чтобы утром позвонить сначала шефу, а потом в клинику. Нужно будет взять отгул, отлежаться, отпоить себя травяным чаем и понежиться в горячей ванне.

Конечно, если доктор позволит, доктор, к которому нужно записаться на прием как можно раньше – сразу, как только проснется.

Домой.

Лайза покосилась на спидометр и приготовилась нажать на педаль газа, но внезапно почувствовала резкую боль между ребер. Сердце забилось так быстро и сильно, что, казалось, корпус начал ходить ходуном между рулем и сиденьем. Горло перехватил спазм.

Что за черт? Вместе с болью нахлынул страх – не хватало еще сдуться прямо в машине и влететь в межполосное ограждение или слететь в кювет.

Что это?! Что происходит? Неужели последствия недавнего удара?

Прислушиваясь к внутренним ощущениям, она оцепенело впилась глазами в дорогу.

Съехать на обочину? Остановиться? Есть ли что-нибудь для сердца в автомобильной аптечке? Да и вообще, сердце ли это?

В груди напряженно ныло, в ушах бился пульс; непонятно откуда внезапно навалилось чувство глубокой депрессии.

Что делать: рваться на всех парах домой или же притормозить, перевести дух и дождаться улучшения? А что, если оно, это улучшение, не наступит, кому тогда звонить и просить о помощи?

Пока память судорожно перебирала знакомых, резь в груди усилилась, растеклась в стороны, начала отдавать в желудок и в спину. Лайза запаниковала. Раньше подобного не случалось, общие обследования каждые полгода не выявляли каких-либо отклонений. Полностью здорова – только таковым был диагноз. Тогда что, черт возьми, происходит?

Внутренний телефон замигал лампочкой вызова тогда, когда Лайза, изнемогая от боли, уже положила руку на рычаг переключения скоростей, приготовившись затормозить. Едва справляясь со спазмами, она сделала глубокий вдох,

попыталась предположить, кто бы это мог быть, но не смогла. Убрала руку с рычага и нажала кнопку «ответить». Вызов в такое время суток? От кого? Почему не на сотовый? Ах да… спасибо грабителям – сотовый был в сумке…

– Алло.

Сначала показалось, что на том конце никого нет: молчание и легкое потрескивание. Затем шум стих, и в тишине салона раздался незнакомый мужской голос:

– Останови машину.

Лайза почувствовала, как приросла, приклеилась к месту. Ее ошарашили не столько слова, сколько холодное приказное равнодушие в голосе говорящего.

Кто это? Что ему нужно?!

Пальцы непроизвольно впились в руль.

На какое-то время она растерялась, попросту не знала, что ответить. Затем выдавила из себя:

– Кто вы? Почему я должна останавливать машину?

Прежде чем ответить, собеседник помолчал.

– Потому что я еду за тобой. А я всегда догоняю тех, за кем еду.

Брошенный в зеркало взгляд не выявил никакого движения на дороге (где он? как далеко?). Образовавшийся в горле ком не позволял нормально дышать.

– Зачем вы за мной едете?!

– Потому что у тебя есть то, что мне нужно.

Спокойствие в его голосе взрывало мозг страхом. Мысли принялись биться о черепную коробку стаей вспугнутых выстрелом ворон; на висках выступили капельки пота.

Какой-то маньяк! Он хочет, чтобы она остановилась, но зачем? Чтобы убить? Чтобы обыскать машину? Что ему нужно?!

Бумаги! – ответ пришел мгновенно. – Бумаги Гарри!

Вот же чертова ночь и чертов коллега! Ну, сколько еще неприятностей может быть связано с украденной к этому моменту папкой!

– У меня их нет! – вдруг неожиданно для себя Лайза сотрясла салон Миража криком и автоматически снова посмотрела в зеркало заднего вида. – Слышите? У меня нет того, что вам нужно! Прекратите за мной ехать!

– Останови машину, я сказал. Иначе с каждым километром тебе будет только больнее.

Лайза замерла.

О чем он говорит? Неужели ее недомогания как-то связаны с висящим на хвосте субъектом? Но ведь дистанция… как?.. Это бред, такого не может быть. Или может?

Внезапно память всколыхнулась, и на поверхность всплыло одно из давно забытых воспоминаний; а стоило этому произойти, как ее глаза, словно глаза оглушенной рыбы, остекленели, волоски на шее встали дыбом, а костяшки пальцев побелели.

* * *

Она услышала о нем лишь однажды, полгода назад в баре, где ждала подругу.

Разговор, что происходил в компании, расположившейся за столиком в углу, мог бы и вовсе пройти незамеченным, если бы один из участников – толстый лысый

парень – возмущенно не пробасил:

– Ты брешешь, Ник! Еще никто от него не уходил! От кого угодно, только не от Чейзера!

Налакавшийся виски тощий Ник нахально вздернул подбородок; его редкая щетина в свете ламп отдавала рыжиной.

– Вот те крест, Боб, он мне на хвост упал вчера, а я как поддал газу…

– Дурак ты…

За соседним столиком, где расположились шестеро, почему-то повисла напряженная тишина. Лайза, сидевшая одна, помнится, тогда удивилась: подумаешь, кто-то за кем-то гнался; обычная история.

– Чейзер начинает убивать, еще не догнав… Никто не знает как. Но если тварь сядет тебе на хвост, ты не жилец. Люди умирают уже на ходу, что-то происходит с ними изнутри. Только Комиссия могла создать такого монстра, и молись, чтобы он никогда не повернул голову в твою сторону.

Толстый, что держал в руке стакан с пивом, говорил предельно серьезно.

Лайза, неприязненно оглядев алкашей, удивилась во второй раз: неужели они правда верят, что существует некий киллер, способный поразить жертву на расстоянии? Чейзер? Так они сказали? Преследователь. Сказка, вымысел, бред наяву.

Именно так она тогда решила, несмотря на побледневшие лица и притихший тон беседы, на то, что вся компания через пять минут почему-то быстро снялась с места и покинула бар.

Официант, который убирал со стола стаканы и менял пепельницу, подозрительно часто оглядывался по сторонам.

* * *

Значит, в тех бумагах было что-то плохое, раз Комиссия пустила по их следу Чейзера. Значит, Чейзер существует. И теперь она умрет в любом случае: даже если остановится или продолжит давить на газ.

Умрет зазря, ни за что, будучи полностью невиновной.

Преследователь… Бред, ставший реальностью.

На какой-то момент Лайза потеряла способность связанно мыслить, продолжая гнать машину вперед и сверлить взглядом зеркало. Неужели он действительно существует? Черт возьми, действительно существует и гонится за ней?! Разум отказывался впускать внутрь подобный смысловой набор, в то время как боль в груди продолжала усиливаться.

Неужели Комиссия действительно создала подобного монстра, и теперь он думает, что она связана с этими бредовыми бумагами?!

Ей нужно подумать, ей срочно нужно подумать, но эти спазмы так мешают…

– Не играй со мной.

Голос охотника стальным шурупом ввинтился в сознание. А она и забыла, что внутренний телефон все еще включен.

– Останови машину.

– Ты меня убьешь, – ровно отозвалась Лайза.

Ответа не последовало. Тишина предрекла будущее яснее любых слов.

Думай-думай-думай…

Если она остановит машину, исход будет один: женский труп на обочине. Если не остановит, этот монстр будет воздействовать на нее своей звериной способностью причинять боль на расстоянии, пока это самое расстояние не увеличится. Есть ли предел, преодолев который, можно уйти или хотя бы ослабить его воздействие? Километр, два, пять? Шанс выжить ускользнет, реши

она снизить скорость, а значит, выход один: ускориться настолько, насколько это возможно. Если сейчас в этом не поможет тюнингованный Мираж, то не поможет уже никакой другой автомобиль.

Педаль газа уверенно ушла в пол – стрелка спидометра быстро поползла вправо.

Через несколько секунд раздался его голос:

– Плохое решение. Неверное.

И будто в подтверждение голова взорвалась вспышкой боли – Лайза застонала, приложила ладонь к виску и сжала зубы. Сукин же сын! Ублюдок, Великий царь дороги, мутант недоделанный… Мираж продолжал ускоряться, пришлось вернуть вторую руку на руль; машину сильно трясло.

Черта с два она ему ответит хоть словом! Будет гнать на полной скорости, пока не посинеет, не позеленеет, не развалится на части.

В груди кольнуло. Затем еще раз. А потом в ней распустился алый пульсирующий цветок из спазмов и адских пульсаций; Лайза подалась вперед и захрипела. Вперед… вперед… как можно быстрее: из-за ослабевшей хватки рук Мираж кинуло в сторону.

– Тебе же больно, девочка… Зачем? – голос охотника поглаживал затылок невидимыми пальцами. Казалось, в нем слышалась неподдельная жалость. – Зачем ты это делаешь с собой?

Лайза не ответила, она изо всех сил сосредоточилась на трех вещах: не сжимать веки, несмотря на жжение в глазах; не допустить того, чтобы желудочные содрогания обернулись рвотой (только не это); и не хрипеть или стонать, чтобы не доставить этой сволочи эстетического наслаждения.

О том, что можно просто нажать на кнопку «завершить разговор», она попросту забыла. Логика и способность ясно мыслить полностью растворились.

* * *

Ну не мазохистка ли?

Вот уже добрую минуту Аллертон испытывал давно забытые чувства: любопытство, искру интереса и долю замешательства. Не послушалась, не остановила машину и сделала наоборот – прибавила скорость.

Он ощущал дистанцию кожей – каждый разделяющий их метр, мельчайшее сближение или отдаление машин друг от друга. Неужели она думает, что ускорение ей поможет? Неужели действительно верит, что сможет уйти от погони?

Почему не сдается? Не больно? Подумав об этом, он, словно равнодушный хирург, анализирующий рефлекторную систему больного, медленно и глубоко коснулся энергетического шлейфа Лайзы, и та с хрипом сложилась пополам. Мак почти наяву увидел ее побелевшее и исказившееся лицо. Разве не больно? Больно. Конечно, больно, очень больно.

Тогда почему?

Что заставляет ее гнать вперед – страх смерти или же боязнь обнаружения в салоне ее машины пресловутых бумаг? Неужели они стоят того, чтобы мучиться? Еще ни один водитель на его памяти не был в состоянии терпеть подобную пытку дольше минуты. Все тормозили, все. Если не по доброй воле, так по принуждению. Или потому, что слетали в кювет.

Комиссия будет довольна любым результатом. Им все равно – все равно и ему. Жертва сама выбирает метод собственной кончины, но мисс Дайкин, судя по всему, никак не может определиться.

Что ж, поиграем.

Чейзер нажал на газ; его черный стальной конь – прототип самого быстрого автомобиля на Уровнях – даже не чихнул, лишь заурчал, словно довольный кот, которого ласково погладили по пузу. Но стоило дистанции начать сокращаться, как впереди идущая машина тоже ускорилась. Сто девяносто километров в час. Сто девяносто пять. Двести…

Мак едва заметно поджал губы. Что за движок в той развалюхе? Покрытие шоссе ровное, резких поворотов нет, но даже на ровной дороге автомобиль на подобной скорости становится сложно удержать. Нагрузка на шестерни, на вращающие элементы, на оси… А если водитель еще и не в добром здравии, то потеря управления – дело нескольких секунд. Однако Лайза все еще впереди, все еще на дороге.

Упертая дама.

Аллертон пожевал губу, затем спросил вслух:

– Зачем ты это делаешь? Я знаю, что больно. Поверь, знаю лучше, чем кто-либо другой. И пока ты держишь скорость, твое тело будет стремительно разрушаться: начнут рваться сосуды в глазах, повреждаться ткани в голове, нервная система скоро выйдет из строя – пойдут неконтролируемые спазматические боли. Неужели ты готова променять свою жизнь на эту папку?

Какое-то время динамик сочился лишь тишиной и помехами. Затем тихо прохрипел женским голосом, Маку пришлось напрячься, чтобы расслышать слова:

– Гребаный Гарри… Я не хотела ее брать, слышишь? Не хотела. Но он заставил, сказал, что заберет через двенадцать часов. Я даже внутрь не заглядывала, только хотела домой, всего лишь домой… это много? А меня сзади по голове, ублюдки… А теперь еще ты! Говоришь, что мое тело разрушается… За что я страдаю, скажи? За то, чего никогда не делала?

Чейзер нахмурился; шестеренки в его голове молниеносно завращались, включилась аналитика сказанного.

Она хочет сказать, что бумаг у нее нет, их кто-то забрал. Обманывает? Если так, то за хитрость и выдержку этой выдре можно еще при жизни (при недолгой оставшейся жизни) поставить памятник. А если не обманывает?

Права рисковать нет, так или иначе все придется проверить самому.

– Останови машину.

– Да пошел ты…

Стерва.

– Я все равно догоню.

– Вот и догоняй.

Он не выдержал, жестко усмехнулся; в голосе прозвучала сталь.

– Ты подписываешь себе приговор.

– Да неужели? Какая хорошая новость под вечер…

Мак покачал головой, чувствуя, как растущее внутри восхищение пытается изогнуть губы в улыбке.

Острая на язык, упертая, вредная и непробиваемая. А ведь думал, проблем не предвидится; ошибся. Встретил не столько проблему, сколько интересное разнообразие в монотонных буднях. Жизнелюбивая мышка, пытающаяся выбраться из стальных кошачьих когтей, куда интереснее безвольного газетного шарика, валяющегося на полу. Конечно, он проткнет, скрутит и изгрызет в клочки и то, и другое – сомнений нет, – но хоть поиграть с кем-то живым на ночь…

– Ну все. Жди в гости.

– Бегу чай ставить.

Сука.

Мак улыбнулся, переключил скорость и вдавил педаль газа. Пора начать настоящую погоню.

* * *

Слезы катились по щекам, но Лайза их не чувствовала.

Неужели нет такой дистанции, при которой получится оторваться? Неужели не уйти? Ведь сказала, что бумаг нет, два раза сказала, бесполезно… За спиной не человек – зверь, ему все равно, в кого всаживать клыки. Вспорет, выпотрошит, подержит лапу на затихшем пульсе и уйдет, оставив остекленевшие глаза жертвы созерцать выцветшее небо.

Какого черта… Почему все бесполезно?

В зеркале дорога все еще была пуста. Сколько в запасе – минуты, секунды?

Мираж натужно бряцал разболтанными окнами; впереди чернел горизонт – мост в смерть. Слившиеся в бурую ленту кусты на обочине, холодное дыхание в затылок, мелькание полосы разметки – это все, что она запомнит? Рвущую внутренности боль, проклятое отчаяние и собственные хрипы? Хрипы в конце пути?

А ведь думала, что день не мог стать хуже…

Она гладила руль подушечками больших пальцев. Давай, милый, давай… Теперь только мы с тобой против всего мира, ты и я. Может быть, это наша последняя дорога, но надо попробовать удлинить ее настолько, насколько это возможно, надо хотя бы попытаться…

Стрелка спидометра застыла на отметке в двести километров в час. Лайза впервые пожалела о том, что не согласилась сменить его: теперь и не узнать, как быстро колеса поглощают километры. Боялась привлечь внимание, не хотела отвечать на ненужные и неудобные расспросы знакомых. Зря. Сейчас бы гордилась собственной машиной. И собой. Хотя бы ненадолго.

Тело постепенно отказывало: немели руки, наливались свинцом ноги, горло саднило и издавало хрипы. Лайза злилась сквозь слезы и держалась за эту злость, как за спасательный круг; еще быстрее, еще!

Справа мелькнул знак, предупреждающий о развилке.

«Делвик. 1 км».

Решение пришло мгновенно: она свернет, и он не заметит, пролетит мимо. А пока сориентируется, это даст ей пару лишних минут.

В поворот она влетела на полной скорости; завизжали шины, заскрипел корпус, бок едва не проскреб по бетонному ограждению. На какой-то момент показалось, что Мираж не удержится – соскользнет, пробьет ограждение, слетит вниз и покатится вокруг своей оси, сминаясь, как алюминиевая банка.

Обошлось. Он не подвел и в этот раз, чудом удержавшись на шоссе. Лайза, проморгавшись (как же жжет глаза!), чуть расслабила вконец потерявшие чувствительность пальцы и посмотрела в зеркало заднего вида. Пусто. Пока пусто.

Но не прошло и полминуты, как из динамика раздался визг шин идущей позади машины.

Черт! Черт-черт-черт! Она же забыла выключить внутренний телефон, и теперь этот мужлан выполнил тот же трюк – на полном ходу свернул на Делвик. А-а-а-а!!!

Когда педаль ушла в пол до предела, мотор Миража взревел, как ошпаренный кипятком тигр. Под капотом жестко и неприятно забряцало, корпус затрясло, как в ознобе.

Лайза сжала зубы.

В таком режиме машина долго не протянет. Это конец. Конец им обоим.

Вспышки боли, плавающие по телу от макушки и до самых пяток, становились все сильнее. Скручивало сердце, желудок, низ живота, огненным столбом горел позвоночник. В какой-то момент перестала поворачиваться шея, из носа потекла кровь. Теперь блузка от Мано побурела спереди и сзади.

Лайза перестала сдерживать рыдания.

Почему? Почему все должно было закончиться таким образом? Один-единственный утренний визит, принятая в руки папка, а после удар по голове и висящий на хвосте монстр. Неужели она оступилась настолько? Настолько, чтобы закончить свою жизнь в смятом, как вареное яйцо, лежащем на обочине Мираже, истекающей от внутренних кровотечений, раздавленной еще до того, как умереть окончательно? Почему последним, что она запомнит, будет темная лента трассы, летящая навстречу, и холодное дыхание незнакомца в спину?

Сколько ей осталось – последние пару минут? Меньше?

Словно в ответ на ее мысли, динамик выдохнул:

– Если ты не снизишь скорость в следующие тридцать секунд, последствия будут необратимые.

«Они уже необратимые, разве ты не видишь? – захотелось выкрикнуть ей. – Неужели ты думаешь, что это все можно залечить?!»

Но слова не вырвались наружу, так и застряли в опухшем, першащем и едва пропускающем воздух горле.

Какой смысл отвечать, спорить, что-то доказывать… Поздно.

– Срочно снизь скорость.

Лайза молчала; глаза теряли зрение.

– Останови машину, и я оставлю тебя в живых.

Ух ты… пошли сделки. Что, не удалось тебе меня догнать, сволочь? Не удалось поставить на колени, так теперь предлагаешь мировую? Маскируешь собственный проигрыш?

Несмотря на беснующиеся мысли, она чувствовала, что время на исходе. Тело вскоре откажет полностью: нервная система погасит импульсы, клетки онемеют в бесчувствии. Конец… какие там тридцать секунд, конец наступает уже сейчас…

– Останови машину, еще есть шанс! Но через пятнадцать секунд он пропадет!

Пропадет? Ей было все равно, ее жизнь расстелилась, раскаталась на многие километры позади, капля за каплей лежала на бетонном шоссе. Какая теперь разница? Ты свое дело сделал, охотник. Наслаждайся.

Единственное, чего Лайзе не хотелось, так это того, чтобы Мираж в последний момент слетел в кювет. Он этого не заслужил, пусть останется жить относительно целой легендарной машиной, сумевшей все это время держать Чейзера на расстоянии. Пусть продолжит существование не мятой грудой мусора, а тем старым добрым Миражом. Самым любимым автомобилем в мире.

Задыхаясь, едва живая, она все же сбросила скорость.

Не потому, что так приказали из динамика, а чтобы в последний момент отдохнуть. Пусть полминутки, пусть хоть несколько секунд – открыть окно, если получится, и вдохнуть глоток прохладного ночного воздуха. Спокойно посидеть – без гонки, уже без страха, – закрыть глаза и мысленно попрощаться с теми, с кем не смогла попрощаться иначе.

Съехав на обочину, автомобиль обреченно чихнул и заглох; из-под капота, как из жерла проснувшегося вулкана, повалил пар. Лайза погладила руль, медленно и тяжело вдохнула, сдвинула в сторону приросшие к педалям ноги и погасила фары.

Темнота, тишина, жар собственного тела.

В зеркало смотреть не хотелось – там она увидит окровавленное, ставшее уродливым лицо, отекшее и забрызганное. Язык распух, горло наоборот сузилось, по телу продолжали бродить рвущие на части боли.

Она напряглась, похрипела, подняла руку и надавила на кнопку, чтобы открыть окно; в салон, вытесняя скопившийся спертый воздух, тут же влетел прохладный ветерок. А вместе с ним запах земли, пропитанной влагой, диких цветов, росы; донесся одинокий стрекот сверчка.

Впереди темнел горизонт.

Теперь, когда фары погасли, не стало ни дороги, ни поля рядом, ни гор вдалеке – лишь черное покрывало ночи и россыпь звезд над головой; тучи растянуло.

Тело не работало, не отзывалось на попытки управлять им.

Лайза хотела было повернуть голову, но не смогла, и ей не осталось ничего другого, как скосить в сторону глаза. Где-то там, в темноте, колышутся листья и кивают над землей спящие цветочные бутоны. Где-то там – километры пустынной земли, междугороднего незаселенного пространства, которое встретит новое утро тишиной и свежестью.

В этот момент почему-то не думалось ни о работе, ни о Гарри, ни даже о преследователе. Вместо тысячи чувств, раздиравших ранее, осталось лишь одно – сожаление. Сожаление о том, что она так и не успела сделать. Кем не успела стать.

Как могла бы повернуться жизнь, не возьми она те бумаги? В какую сторону потекли бы дни, какие чудесные события встретила бы она на пути? Теперь не узнать. Судьба может обернуться тысячей возможностей, а может прерваться на одном из узелков, и тогда все вероятности кем-то стать отпадут сами собой… Можно быть дизайнером, моделью, продавцом, фотографом, чьим-то другом, возлюбленным, а пять минут спустя – тенью, воспоминанием. Вот как работает жизнь. И тогда, в эту последнюю минуту перед чертой, остается лишь жалеть, что где-то ты недодышал, недонаслаждался, недоделал и недосказал… Не обнял там, где мог, по глупости на кого-то обиделся, попросту не успел сделать чего-то важного.

Лайза смотрела в раскинувшееся над головой небо и плакала.

Ни звонка, ни полслова… Ни телефона, ни возможности поднять руку. Глупо и бесполезно. Вся жизнь вышла такой. Эта ночь проявила картину и позволила увидеть ее в целом. О чем же под самый конец стоит вспомнить, что теперь важно? И будет ли там, куда она попадет, лучше?

Неожиданно слух уловил незнакомый звук – шорох шин. Автомобиль преследователя приближался быстро и почти бесшумно, удивительно тихо. Свет неоновых фар прорисовал в салоне Миража острые тени.

Лайза на мгновенье прикрыла глаза.

Что ж, вот и ты, Чейзер… Вот и ты. Монстр, чье лицо она хотела бы видеть в последнюю очередь.

Подъехавший автомобиль остановился слева от Миража; быстро и жестко хлопнула водительская дверца.

Она сидела с закрытыми глазами и тогда, когда звук шагов сначала приблизился, а потом затих, и тогда, когда дверца Миража распахнулась, и вокруг наступила тишина, прерываемая лишь тихим шорохом травы, колышущейся на ветру, и даже тогда, когда кто-то протиснулся мимо нее и нажал на кнопку, чтобы разблокировать капот.

Она открыла глаза лишь после того, как прошуршавшая у самого носа куртка исчезла, оставив после себя едва уловимый запах кожи и тонкого шлейфа от парфюма ее обладателя.

Он стоял и смотрел на нее: мужчина ростом под два метра, с темными, зачесанными назад волосами, одетый во все черное – куртку, джинсы. Суровый исполин, гигант, машина для убийств. Квадратная челюсть, жесткая линия губ, темные брови, равнодушные глаза.

Вот, значит, кто преследовал ее…

Робот без сердца, тренированный охотник, лучший из лучших, наученный лишь одному – нести смерть.

Наверное, нужно было испугаться, затрепыхаться, забиться в истерике, но страха не было, потому что не было сил. Их не осталось ни на что: ни на панику, ни на облегчение, ни даже на обиду.

Лайза на секунду скосила глаза и взглянула на стоящий за его спиной автомобиль. Не автомобиль даже – космический корабль с гладкой полированной поверхностью, формами напоминающий хищника. Что ж, транспортное средство под стать хозяину. Без шансов на отрыв. Спасибо,

Мираж, что ты старался.

– Бумаги.

Одно-единственное слово прозвучало равнодушным приказом.

Лайза вернула взгляд на мужское лицо.

– Их нет.

В горле першило.

– Где они?

– Не знаю, – она бы пожала плечами, если бы могла, а так сидела, как инвалид, взирающий на медбрата-маньяка, пришедшего делать эвтаназию. – Меня ударили сзади перед погоней, сумку забрали. Обыскивай машину, если хочешь, их все равно нет…

Хотелось отвернуться. Хотелось, чтобы он ушел – этот равнодушный тип – и оставил ее одну. Поплакать бы тихо, подышать не под холодным взглядом, а в одиночку, подумать о чем-то своем. Ведь времени осталось так мало.

Когда гость шагнул в сторону и открыл капот Миража, нахлынуло секундное облегчение: пусть посмотрит и убирается на все четыре стороны, садится в свой звездолет и летит к черту на кулички, преследует новую жертву, пьет пиво или же храпит в берлоге, обвешанной черепами. Лишь бы не стоял здесь, а отдал последние драгоценные минуты в ее собственное распоряжение.

Незнакомец недолго разглядывал движок. Быстро просканировал его взглядом, качнул головой, будто говоря, ну, надо же, до чего дошли некоторые девки на своих драндулетах, затем резким движением захлопнул крышку.

Лайза поморщилась – хлопок отдался болью в голове.

Через несколько секунд мужчина вернулся и снова застыл перед распахнутой дверью, задумчиво взирая на жертву. О чем он думал? Обыскивать салон или

нет? Может, хотел задать новые вопросы, все же выпытать правду?

– Нет их здесь. Нет, слышишь? Уходи, я хочу побыть в одиночестве.

Охотник не шелохнулся; в его голове шел анализ; Лайза определила это по глазам и с ненавистью прохрипела:

– Убирайся. Я хочу побыть одна. Ведь у меня есть право… – непослушный язык заплетался; каждый звук превратился в пытку, – …на последнее желание.

Слова, очевидно, не достигли цели, потому что мужчина, постояв еще какое-то время, вдруг принялся стягивать с себя широкий пояс.

Сначала она подумала, он потянулся за пистолетом – добьет ее. Затем, когда увидела, что кобура осталась висеть сзади, испугалась: что еще нужно этому маньяку? А когда увидела в его руках шприц, наполняемый из блеснувшей в свете фар ампулы, запаниковала:

– Что ты делаешь?! Не подходи ко мне!

Поздно. Всего один шаг вперед, заломившие шею мужские руки и тонкая игла, вошедшая прямо в вену на всю длину.

Лайза закричала. Нет, она думала, что закричала, хотела сделать это, но из горла вырвалось лишь сипение, сопровождаемое хрипом; конечности конвульсивно задергались.

– Что?.. Зачем?!.. Зачем…

А после началась настоящая пытка, потому что жидкость в теле вскипела. Что-то впрыснутое в кровь заставило ее наполниться лавой, жидким огнем, ядовитой смесью, сжигающей изнутри. И если раньше казалось, что нельзя глубже и полнее осознать значение слова «больно», то теперь стало ясно: это было лишь начало. В голове раскрутился клубок из агонии и спазмов, грудь рвалась от кашля, казалось, стенки горла треснут, порвутся от нагрузки.

Она хотела закричать: «Сволочь, за что ты делаешь это со мной?! Оставь же, наконец, в покое! Ты, мерзкий ублюдок!..», но не смогла выдавить и звука. Как не смогла заколотить его по спине, когда ее вытащили из машины, взвалили на плечо и понесли к черному автомобилю.

Мягкость кожаного сиденья Лайза уже не почувствовала, потому что к тому моменту, когда ее осторожно усадили внутрь салона, она потеряла сознание.

Глава 2

Глядя на темное полотно шоссе, Мак Аллертон старался не думать.

Слишком много нелогичных действий и противоречивых эмоций. Внешне он был безмятежен, ничто не выдало бы напряженную работу мозга: ни спокойно лежащие на руле руки, ни застывшее в равнодушной маске лицо. Все шло как обычно: цель, преследование, поимка. Да, бумаг не оказалось, так бывает, придется продолжить расследование, раскрутить цепочку и отыскать тех, к кому они уплыли. Стандартный режим работы. Стандартный, если бы не одно но.

Пассажирка рядом.

Ее дыхание – неглубокое и поверхностное – то прерывалось, то появлялось вновь, и тогда он незаметно расслаблялся. Состав, что он ввел ей в кровь, должен затормозить разрушительные процессы, не позволить им прогрессировать. Если она переживет следующие полчаса, то, возможно, переживет и следующие сутки, а если так, то выживет. Шанс маленький, но он есть.

Черная машина скользила тенью над дорогой.

Едва уловимый шорох шин, никакой тряски в салоне. И не подумаешь, что скорость так высока. Интересно, каково было ей в той развалюхе, на вид не способной обогнать и строительный каток, должно быть Мираж кидало из стороны в сторону, как воздушный шарик в ураган, но эта кроха, сидящая на соседнем сиденье, держалась очень даже достойно.

Восьмилитровый турбовый движок, кто бы мог подумать…

Зачем на обычную машину ставить реактивный ускоритель? Да, мисс Дайкин оказалась шкатулкой с секретом. Упертая, как чертова гора, дерзкая, как портовая шлюха, способная водить, как чемпион гонки болидов с многолетним стажем, и… невиновная, как сутки назад наделенный крыльями ангел.

Черт бы подрал эту непроверенную информацию.

Нет, бумаги у нее были, а это значит, что Комиссия и глазом не моргнула бы, приведи он смертный приговор в исполнение. Она держала их в руках и, следовательно, была прямо или косвенно причастна к краже или передаче их третьим лицам. Вот только третьим лицом оказалась она сама – случайным свидетелем, прохожим, по ошибке пересекшим не ту тропинку, роковым совпадением, соприкоснувшимся с преступниками.

Добить ее? К тому моменту, когда он нашел ее в стоящем на обочине Мираже, можно было не предпринимать дополнительных действий. Пять минут – и труп. Ни лишней пули, ни шевеления пальцем. Просто уехать и забыть (что он, собственно, и сделал бы)… вот только сделал не так, как предполагал.

Глядя на ночную дорогу, Мак так и не смог решить, что заставило его забрать мисс Дайкин. Быть может, та решимость, с которой она противостояла погоне? Или же своевременное осознание ее непричастности? А может, собственная дурость? Скорее всего, все вместе.

Странная ночь.

В любом случае приоритет номер один – как можно скорее доставить ее в лабораторию для проведения необходимых дополнительных процедур, а разбираться с мотивацией, приведшей к подобному результату, он сможет позже.

В какой-то момент девушка на сиденье вновь притихла – ни шороха, ни вздоха; Чейзер бросил на нее короткий внимательный взгляд и прибавил скорость.

* * *

Свет под потолком резал глаза и выедал остатки самоконтроля.

Лучше бы она держала их закрытыми до самого конца, любого беспощадного конца, нежели получила шанс когда-либо созерцать эту страшную комнату.

Колбы, медикаменты, порошки… Висящий на стене серебристый экран, сенсорная панель, путаными кольцами свисающие к полу шнуры-присоски. Шприцы, иглы, приборы непонятного назначения и она, лежащая на широком операционном столе. В лаборатории маньяка.

Страх перед смертью страшнее самой смерти; в этот момент Лайза осознала это как никогда ясно. Лучше бы умереть там, на сиденье Миража, пусть даже в кювете или же с перерезанным горлом, нежели очнуться здесь живой без возможности двинуть пальцем.

Тело не отзывалось.

Глаза видели лишь то, что позволял увидеть угол со скошенной на бок шеей. Она не чувствовала рук, ноги не шевелились. Хотелось заплакать, но сил не хватало даже на слезы. Онемевшая, беспомощная, искалеченная. Небо, не дай ей напоследок подвергнуться пыткам, сжалься, пожалуйста, сжалься…

Совсем некстати в памяти всплыл телевизионный репортаж, услышанный месяц назад; помнится, она тогда завтракала после душа, листала журнал мод и краем глаза поглядывала в телевизор. Диктор рассказывала про странное убийство: жертвой оказался парень, найденный за рулем собственной машины, припаркованной на обочине одной из пустынных улиц Нордейла. Множественные повреждения: разрывы тканей, внутренние кровотечения, отек легких.

– Его тело будто убило себя изнутри, – комментировал на фоне клиники седовласый доктор в белом халате, – повело себя так, как если бы решило взбунтоваться и выдать наличие сразу нескольких сложных заболеваний, приведших к летальному исходу. Никаких внешних насильственных признаков; даже не знаю, что на это сказать…

Опытный доктор определенно находился в замешательстве.

Тогда, потягивая кофе, Лайза потратила почти минуту, размышляя, как подобное могло произойти. Почему чье-то тело вдруг ни с того, ни с сего отказало? Мистика и только.

Теперь же она знала как. Как знала и то, чье лицо тот бедолага запечатлел в своей памяти последним.

Ужас. Теперь ей предстоит сплошной ужас. Наверное, она будет молить о смерти…

Создатель, кто бы знал, что можно опуститься до такого, дойти до последней черты? Почему не кто-то другой, почему она?

Когда раздался звук открываемой двери, Лайза начала обратный отсчет оставшихся секунд жизни. Наверное, охотник не поверил ей насчет бумаг. Решил применить какие-нибудь психотропные средства или же пытать. Все эти скальпели, щипцы, бинты… Только не это. Пожалуйста, лучше уж сразу яду, но только не это… Боже, не допусти!

Когда на лицо упала тень, Лайза всхлипнула и зажмурилась.

«Пришла в себя, хорошо», – читалось на ненавистном лице, когда мужской палец приподнял веко, чтобы через секунду в зрачок ударил свет тонкого медицинского фонарика. В этот момент Лайзе меньше всего хотелось видеть, и слепящий свет помог ей в этом. Ненадолго. После осмотра глаз, прощупывания головы и шеи и измерения пульса похититель – теперь его полноправно можно было называть этим словом – на секунду отошел от стола, чтобы достать с полки одну из стеклянных бутылок, запечатанных гибкой резиновой пробкой.

Чувствуя себя тяжелой и неповоротливой, Лайза, с безысходностью приготовленного для растопки полена, смотрела на перекатывание крепких рельефных спинных мышц, обтянутых черной футболкой. Этот монстр не просто силен. Он дьявольски силен.

Мысль не принесла ни удовлетворения, ни облегчения.

Не обращая на пациентку внимания, мужчина сорвал с ваты бумажную упаковку и отложил в сторону.

Что готовит этот дьявол? Что он собирается делать?

Ни коротко стриженный затылок, ни мощная шея не давали ответа. Жесткий профиль пугал. Лайзе некстати подумалось, что такой тип должен, просто обязан был играть плохого парня в каком-нибудь боевике: идеальный вид, пугающая аура силы и властности и исходящая от крепкого тела опасность. Зрители замирали бы в экстазе, с грохочущим сердцем наблюдая за каждым движением, верили бы каждому жесту…

Вот только это не фильм. Это жизнь, ее жизнь, превратившаяся в кошмар. От страха хотелось скулить.

Тем временем незнакомец, закончив с приготовлениями, повернулся к операционному столу и с деловитым хладнокровием принялся привязывать конечности к столу.

Ее конечности.

Лайза забилась в судорогах и захрипела.

Мучитель бросил на нее короткий равнодушный взгляд и продолжил свое занятие.

Ей не были видны крюки, вделанные в стол, но были видны концы веревок в его руках, которые последовательно затягивались на лодыжках, коленях… чуть выше колен, вокруг талии, на запястьях и, наконец, на локтях.

Только не это! Зачем привязывать человека к столу?! Во имя Создателя – ЗАЧЕМ?!

Мочевой пузырь едва сдерживал влагу, Лайзе казалось, она сейчас обмочится. Обмочится перед смертью. Как постыдно…

Закончив вязать узлы, Чейзер все с тем же равнодушным выражением лица повернулся к столу у стены, оторвал кусок ваты, смочил ее спиртом и тщательно протер сгиб собственной руки. Затем достал из упаковки пустой шприц и неторопливо и аккуратно ввел иглу себе в вену.

Думала, не могло быть хуже? Могло. Теперь Лайзу мутило.

Чем больше густой темно-красной жидкости набиралось в шприц, тем нестерпимее становились желудочные спазмы.

Эта ночь не могла стать хуже, просто не могла. Хуже просто некуда…

Едва справляясь с позывами тошноты, Лайза, с оцепеневшим от паники сознанием наблюдала за тем, как игла наконец выскользнула из-под кожи, как к проколу прижалась ватка, как незнакомец, держа шприц в руке, повернулся и посмотрел на нее.

Что хотел сказать его взгляд: «сейчас будет хуже?» Или «терпи, будет больно»? Снова больно? Зачем больно, для чего? Почему все время больно?

В какой-то момент Лайза устала. Устала бороться и постоянно проигрывать, чувствовать предельное напряжение нервов, слушать грохот отбойного молотка – собственного сердца.

Когда тот, кто испортил этот вечер (а заодно и всю жизнь), шагнул к столу, ей стало почти все равно. Умирать, так умирать. Лишь бы скорее. Вот уж не думала, что доживет до этой мысли… Пусть смерть будет благородной и заберет сразу, пусть не держит на грани, пусть просто вынет душу и заберет с собой, оставив тело – любимое тело, способное служить еще долгие годы (но карты выпали иначе…) – этому миру.

Теплота чужих рук не успокаивала, прикосновения не отзывались эмоциями, лишь равнодушными сигналами в мозг: «он держит шею… он поворачивает шею… шприц совсем рядом…»

Неприятное ощущение от введения иглы оказалось ничем по сравнению с той болью, которая начала медленно расплываться по телу, стоило чужой крови

попасть внутрь. Лава, поганая жидкая лава, чужая субстанция мутанта… вирус-убийца… зачем же так изощренно…

Рыча в агонии, Лайза не чувствовала ни впившихся в запястья веревок, ни собственных метаний, ни оставляющих синяки на коже крюков, ни мужских рук, держащих ее за голову.

В его зеленовато-коричневых глазах застыло предельное напряжение; по виску стекала капелька пота.

Он держал ее, пока хрипы не стихли.

Подергивание конечностей продолжалось еще около минуты, затем тело обмякло, выключилось, теперь шла внутренняя работа.

Да, жестко. Да, больно.

Если бы Мак не привязал руки и ноги к столу, Лайза могла бы повредить себе: в момент ввода антидота – коим являлась его собственная кровь – человек утрачивал контроль над совершаемыми действиями. По крайней мере, так помнилось из полученных от Комиссии знаний, не из практики. Потому что практики до этого момента не было; еще ни разу Чейзер не останавливал разрушительный процесс, спровоцированный собственным влиянием, для этого в прошлом не было ни желания, ни необходимости.

Что ж, все когда-то приходит впервые.

Глядя на бледное лицо и искусанные губы, Мак чувствовал дискомфорт в голове и непривычную тяжесть в груди. Она не умрет. Не должна. В следующие несколько часов он будет находиться рядом и беспрерывно наблюдать течение восстановительного процесса. Если понадобится, повторит ввод антител.

Тлела надежда, что до этого не дойдет.

Дыши, попавшаяся под руку девчонка, дыши.

Спустя полчаса он перенес ее вниз, в спальню. Убедился, что регенерация тканей началась, и только тогда набрал номер друга.

– Рен, не отвлекаю?

На том конце ответили бодро – не спали.

– Ты мог бы для меня кое-что сделать? Забери с трассы Нордейл – Делвик, четырнадцатый километр, машину, темно-синий Мираж. Да, подгони ее к моему гаражу. Спасибо, друг, я у тебя в долгу.

Нажав отбой, Мак положил телефон в карман, подошел к постели, прощупал на горячей шее пульс, после чего опустился в мягкое кресло напротив, настроившись проснуться от малейшего движения.

А сейчас сон. Несколько минут драгоценного отдыха.

* * *

Все тонуло во мраке. Мысли, чувства, желания.

Последних, наверное, и вовсе не было. Лишь ощущение, что трудно дышать, лежать, жить. Мучило нервное подрагивание стоп и пальцев рук, ломило суставы, сводила с ума резь в груди, изредка перемещающаяся в кишечник.

На лбу лежала чья-то ладонь – теплая и твердая.

Наверное, казалось.

Она удерживала на месте, когда хотелось поднять голову и разлепить склеившиеся веки, напоминающие тяжелые, покрытые бетонной пылью портьеры.

Каждый вдох сопровождался жжением: чудилось, что легкие вдыхают пламя, а после выдыхают его же наружу. Ленивой сонной мухой вился страх, что вокруг что-нибудь загорится, ведь она изрыгает из себя огонь, настоящую лаву, но

треска не слышалось. Наверное, она в потоке лавы, на дне жерла вулкана. Поэтому ничего не загорается… нечему гореть, все сгорело…

Мрак уносил сознание, но не скрадывал боль, оставляя ее где-то рядом; мыслей нет, а страдание есть – физическое воплощение ада.

Иногда хотелось пить, и тогда гортань формировала комковатые звуки. Каждый раз вместе со стонами на язык стекали холодные капельки, приносящие временное облегчение, и Лайзе мерещилось, что теперь она лежит не в жерле вулкана, а в пещере, где с потолка, с длинных кривых сталактитов, стекает конденсат.

Минуты превратились в резиновое желе, мир – в набор плавающих вокруг слоев.

Где она? Зачем она? Почему так плохо?

Грела лежащая на лбу ладонь – тяжелая, как могильная плита.

* * *

Напоить. Проверить пульс, приподнять веки, убедиться, что красная сетка из лопнувших сосудов исчезает, сесть обратно в кресло, чтобы через час вновь повторить все процедуры. Жизнь превратилась в колесо, где белка однообразно перебирает цепкими лапками бесконечные, замкнутые в круг жердочки.

Аллертон не жаловался.

Медленно и нудно двигалась часовая стрелка висящих на стене часов.

* * *

– Сколько я проспала?

С момента пробуждения и до прихода в комнату хозяина дома Лайза успела не только вспомнить все, что произошло накануне, но и осознать несколько вещей:

она все еще обездвижена (любая попытка пошевелить чем-либо вызывала крайне неприятное ощущение), она все еще находится в гостях у монстра, и она в чужой майке. Его майке. Что означает – ее переодевали.

Этот гад снимал с меня блузку… А бюстгальтер? Посмел ли он тронуть бюстгальтер?

Тело плохо передавало ощущения, понять, на месте ли эта деталь нижнего белья, не представлялось возможным. Мысль противно скребла чувство собственного достоинства кошачьей лапой.

– Почти сутки.

Войдя в комнату, похититель внес с собой запах еды, поставив на стол небольшой поднос с тарелкой супа, хлебом и ложкой. Тошнотворный и одновременно восхитительный запах. Желудок принялся бунтовать, в то время как рот наполнился слюной.

Лайза поморщилась от дискомфорта в животе.

Значит, все случилось не накануне, а сутки назад. И она все еще жива. Жива после той страшной процедуры в комнате маньяка, где успела проститься с жизнью. Воспоминания пугали даже теперь, пришлось срочно заткнуть их в дальний угол, тот, что потемнее, иначе ужасающе быстро возрождалась паника.

– Зачем… ты меня привязывал?

– Чтобы ввести антидот.

– Это твоя кровь?

– Да.

Она боялась задавать вопросы. Боялась смотреть на него и думать о том, что произойдет дальше. А что если извращенная пытка продолжается? Или ее оставили жить не потому, что осознали непричастность к криминальным действиям, а для каких-то иных целей? Неизвестных, страшных целей.

Сидящий в кресле мужчина не выказывал признаков раздражения ни от того, что она случайно перешла на ты, ни от наличия вопросов. Как не выказывал и радости. Он держал переплетенные пальцы у подбородка и смотрел на нее, как смотрят на подозреваемого в камере для допросов. Ровно, тяжело, молча.

Хотелось одного: уйти.

Каким-нибудь образом покинуть эту квартиру или дом и навсегда забыть лицо с зеленовато-коричневыми глазами. Вычистить его из мозга, вытравить, выскрести, закопать и насадить сверху цветочков, чтобы он не преследовал ни во сне, ни наяву. Чтобы весь тот чертов вечер с гонкой и последующим операционным столом канул в небытие.

– А моя машина?

– Она у меня в гараже.

«Я могу ее забрать?» – хотела спросить Лайза, но не спросила. Вопрос означал бы, что она желает уйти, а никто пока не сказал, что отпускает ее. Преследователь вообще не был щедр на слова, его лицо и взгляд не выдавали эмоций.

Незнание того, что происходит, щекотало позвоночник ледяными пальцами. Зачем она здесь? Почему жива? Надолго ли? Лайза чувствовала, что сдает, проигрывает борьбу с собственными нервами. Если не начать этот разговор сейчас, то уже никогда…

– Я невиновна, – прошептала она тихо; выдавая волнение, начал предательски дрожать подбородок. Только не слезы, только не выдавать слабости. – Невиновна, слышишь?

– Я знаю.

Все тот же немигающий взгляд под темными бровями и исходящая паром тарелка супа на столе. Впуская глоток свежего воздуха, пошатнулась у окна бордовая штора.

– Поэтому ты жива.

Лайза с облегчением выдохнула сдерживаемый в легких несколько бесконечно долгих секунд воздух.

Слава Создателю… Слава Создателю… Слава Создателю…

Первый ответ положительный, нужно идти дальше.

– Я… – слова давались тяжело, несмотря на положительное течение разговора: вдруг через час этот мужик вновь примет охладитель для души, и оттепель закончится? – Я хочу уйти.

Похититель откинулся в кресле и сложил ладони на поясе.

«Предплечья, как бревна, – подумалось ей некстати, – такие же мощные и жилистые…»

Взгляд нехотя переполз на широкую грудь, рельеф которой черная майка скорее подчеркивала, нежели скрывала. Огромный разворот плеч, просто огромный… Он мог переломить ей хребет одной левой.

Снова сделалось страшно; почему-то захотелось плакать – океанским прибоем нахлынула жалость к себе.

– Ты уйдешь, как только сможешь двигаться.

Лайза не поверила собственному счастью. Резко вдохнула, открыла рот и закрыла его, не в силах произнести ни слова. Лишь бы не спугнуть удачу… Когда, когда же она сможет двигаться?

– Хочешь восстановить двигательную функцию – ешь.

Мужчина поднялся с кресла и взял в руки поднос; ее глаза сделались блюдцами.

Кормить. С ложки. С рук.

Что ж… Для того чтобы снова начать ходить, она перетерпит и это.

* * *

Картина с абстрактными линиями.

Синие мазки в виде незавершенного треугольника, оранжевая точка у верхней грани, желтые разводы в левом углу и снизу.

Лайза успела запомнить ее до мельчайших деталей. Потому что эта картина – единственное, что она могла видеть, не имея возможности повернуть голову. Скошенные вбок глаза позволяли ухватить стоящий у стены шкаф, открытую балконную дверь, судя по шевелящимся шторам, и, собственно, вход в спальню, откуда приходил похититель.

Похититель. Почему-то она привыкла называть его этим словом, несмотря на то, что ее не похищали. Наоборот, кормили и поили с рук, выхаживали для того, чтобы она могла уйти.

Где-то тикали часы.

Лайза зверела, не имея возможности на них взглянуть.

Портьеры скрадывали небо за окном – единственный индикатор времени суток. Мужчина ушел какое-то время назад, сказал, что она проспала сутки, значит, сейчас глубокая ночь. Над картиной горело несколько вделанных в потолок лампочек – единственный источник света. Не слишком яркий, под таким вполне можно спать, если бы спать хотелось, но сон ускользал.

Она лежит в чужом доме, почти не может двигаться. Ее наверняка потеряли на работе, телефон не отвечает. Нужно позвонить. Нужно каким-то образом позвонить шефу. Утром.

Спустя несколько секунд, отзываясь на физический позыв, мысли испуганно переключились на совершенно другую тему: Лайза почувствовала, что хочет в туалет.

Он насмехался.

Нет, насмехался не он, а едва заметный дьявольский огонек внутри его глаз, говорящий: «У тебя нет выбора».

– Я могу отнести тебя в туалет, но ты не сможешь усидеть на унитазе, сползешь с него, если я не буду придерживать. Никогда не задумывалась, сколько мышц задействуется для удержания тела в вертикальном положении? А они у тебя на данный момент не работают.

Лайза рдела, как помидор. Как могла сжимала бедра, чтобы не выпустить влагу наружу, и факелом горела от стыда.

Какой абсурд! Здоровый сутки назад человек теперь поставлен перед выбором: либо позориться в уборной, валяясь картофельным мешком на полу возле унитаза, либо позволить себя раздеть, чтобы подложить под пятую точку утку. Замечательный выбор. Просто мечта! Ни с чем не сравнимое продолжение банкета.

Он вошел, когда она уже поскуливала от нетерпения. Вошел сразу с уткой, будто знал.

– Или же ты даешь согласие на мою помощь тебе прямо здесь. И в том, и в другом случае – тебя ведь это беспокоит? – я увижу тебя частично обнаженной. Иначе никак.

– А нельзя пригласить сиделку? Медсестру? В общем… женщину.

– Твоя сиделка в этом доме – это я.

Ответ прозвучал ультиматумом. Мол, довольствуйся тем, что есть.

Она проскользила глазами по лицу – прохладному смешку в глубине глаз, искривленным мягкой улыбкой губам, подбородку, шее, мощной груди, серебристой пряжке ремня, длинным пальцам, держащим утку, и нехотя кивнула. Почти провалилась под землю в переносном смысле, не имея шанса

отказать. Скажи «нет» и сделаешь под собой лужу, напрудишь на кровать, испачкаешь матрас… Потом придется менять белье и, возможно, спальню… стыд-то какой…

Хозяин дома не стал дожидаться повторного кивка, шагнул к кровати, рывком сдернул одеяло, поставил «влагосборник» рядом и взялся пальцами за тонкое кружево трусиков.

Лайза зажмурилась. Пахло мужским присутствием, терпким, но тонким одеколоном и собственной беспомощностью. Чувствительность кожи не пропала: Лайза ощущала и прохладный воздух комнаты, и теплоту чужих рук.

Трусики соскользнули с коленей, затем с икр. Ее приподняли и подсунули под голую попу металлическую чашку с загнутыми внутрь краями, положили обратно.

Несколько секунд она чувствовала на себе изучающий взгляд.

– Какая красивая бритая девочка.

Лицо тут же пошло пятнами, кровь загрохотала в ушах.

– Накрой меня!!!

Раздался тихий смешок; сверху легла плотная ткань. Лайза, не смея открывать глаз, лишь плотнее сжала зубы. Мерзавец… наглый мерзавец, пользующийся положением! Забыв о всякой вежливости, она рыкнула:

– Оставь меня одну!

Послышался шорох одежды; шаги застыли у двери.

– Вернусь через две минуты.

– Пять! У меня из-за нервов ничего не выйдет.

– Три. Три минуты.

Мягко щелкнул дверной замок.

Она сумела стоически смотреть в сторону, когда с нее вновь сдернули одеяло и извлекли утку, но вновь покрылась пятнами, когда увидела, как он открывает запечатанную пачку влажных салфеток. Хотела выдавить «нет», но не успела.

– Я накрою тебя, успокойся.

– Не надо… перестань!

Сверху вновь легла теплая ткань, под которую тут же скользнули мужские руки. Спокойно и умело раздвинули ноги и аккуратно протерли там – ТАМ! – салфеткой. Неторопливо, тщательно, со знанием дела, сверху, снизу и… внутри.

Теперь Лайза, даже если бы хотела, не смогла бы выдавить ни звука. Напряглась, онемела и ошалела от подобной заботливой наглости.

Маньяк. Она знала, что он маньяк, она всегда это знала… чувствовала…

– Ты же хочешь спать чистой?

Щеки полыхали, язык прикушен, даже пальцы от усердия подчинились желанию и сжались в кулаки.

– Люблю послушных девочек.

Она не верила, что он это сделал. Как не верила в то, что он только что сказал. Сказал до того, как поднялся с кровати, щелкнул выключателем и прикрыл за собой дверь.

Казалось, она полночи отпихивала от себя эти мысли: «Он протер меня там… раздвинул ноги и протер…»

Внутри бушевал ураган эмоций, какой сон? Какой к черту сон?! Промежность пульсировала. Наверное, тоже от стыда. Лайза поражалась смене чувств: два часа назад она боялась этого мужика, ненавидела его, хотела сбежать, а сейчас… Сейчас она тоже хотела сбежать, но перед этим хотела вцепиться ему в лицо, протереть салфетками щетину и наладить пендаля по крепкой сра… (Стоп, хорошие девочки так не говорят. Угу, послушные девочки…)

Щеки вновь залились краской.

Послушной.

Что он еще сказал? Какая красивая бритая…

Ей хотелось орать. Перевернуться на живот и колотить руками подушку, драконом изрыгать пламя и испепелить все вокруг.

Как он смел? КАК ОН СМЕЛ так себя вести?! Маньяк, чертов наглец, беспринципный… кто, беспринципный кто? Слов не хватало.

Он так и не надел на нее трусики.

Забыл? Сделал это специально? Чтобы не снимать, когда ей вновь приспичит по нужде?

Лайза в ярости уставилась на то место, где висела картина: темнота комнаты поглотила абстрактные синие и желтые линии; когда же наконец задвигаются ее ноги? Когда она сможет управлять собственным телом, ходить и делать то, что хочет?

Когда? Когда? Когда?

* * *

Фобию и стресс можно побороть стрессом другого типа. Наложить один шок на другой, избавив человека от предыдущих переживаний, заменив их новыми. Более приятными.

Мак улыбался.

Эта чертовка сейчас негодует, а значит, все идет хорошо. Пусть бесится, пусть мечтает поджарить его голую жопу на сковороде, пусть грезит о мести – это поможет забыть ей о собственном недуге, а также изменит восприятие того, кто явился его причиной. Проще говоря, вытянет из головы страшные воспоминания и вытравит из них цвет. Пережившему стресс человеку нельзя позволить вариться в них, это грозит усугублением психологической травмы.

Придется позаботиться о том, чтобы подобного не случилось. Он оказался виноват, он все и исправит, вдохнет жизнь в ее тело, вернет бодрость ее духу.

Приятным им обоим методом…

Член в штанах непроизвольно налился и принялся пульсировать.

Сидя в кабинете на третьем этаже, Мак задумался о том, почему он выбрал именно этот способ, а не какой-нибудь другой. Зачем примешал сюда сексуальные импульсы и тончайшие неуловимые эротические воздействия? Только лишь потому, что данный инструмент один из самых действенных? Или же, помимо красивого лица, у мисс Дайкин оказалась пара упругих округлых грудей с розовыми сосками и великолепная притягательная… бритая… черт бы подрал эту девчонку…

Он сам не спал почти двое суток. И, вероятно, сбрендил, раз вместо того чтобы прилечь хотя бы на час, сидит и думает о чьем-то выбритом кусочке нежной кожи.

Член отреагировал на вставшую перед глазами картинку утяжелением.

Аллертон рыкнул и поднялся с кресла.

Спать. Хотя бы на час. Пока есть возможность.

Уже в постели он вдруг задумался: сколько занимает процесс восстановления клеток и нервной системы? Двое-трое суток? Дольше?

И неожиданно поймал себя на мягко подкравшейся хитрой и дерзкой мысли: ему нравилось, что она там лежит. Беспомощная. Зависимая. В какой-то мере принадлежащая ему.

Глава 3

– Что ж, раз судьба вынудила нас познакомиться, мое имя – Мак Аллертон.

– Я не сказала, что желаю более близкого знакомства.

– А здесь кто-то задал этот вопрос?

Лайза притихла, настороженно глядя на мужчину, сидящего на краю постели. Поверх одеяла стоял небольшой серебряный поднос: жаренные с беконом яйца, кусочек тоста, джем и стакан сока; отодвинутые к стенам шторы впускали в комнату теплый утренний свет. На картину падал яркий солнечный луч – желтые линии радостно сияли.

– Так уж вышло, что на следующие несколько дней я самый незаменимый для тебя человек, тот, кто тебя кормит, одевает-раздевает, водит в туалет и даже моет.

Лайза фыркнула приходящим в ярость буйволом.

– Нет, спасибо.

– Да. И тот, кто решает, когда ты будешь говорить «нет».

«Убью, – хотелось прорычать ей, – разрежу на кусочки и закопаю, только попробуй…» Вот только рычать пока нельзя, так как сидящий рядом мужчина внушал страх, желание подчиниться и что-то еще… Мутил глубинные слои, будоражил невидимую вибрацию в подкорке.

– Наслаждаешься моей беспомощностью? Однажды ко мне вернутся силы…

– И что тогда? Смотри, я плохой мальчик, сделаю из тебя плохую девочку и снова успокою.

Воздух моментально иссяк. Да как он смеет?

– Я сбегу.

Зеленовато-коричневые глаза посмотрели на нее пронзительно, внимательно и тяжело.

– Думаешь, у тебя получится убежать далеко?!

Лайза нервно сглотнула. Вспомнила ночную дорогу, Мираж и белую линию разметки, дернулась от фантомной боли и закусила губу. Не желая развивать опасную тему, прошептала:

– Можно мне кусочек бекона?

Наверное, он заметил страх в ее глазах, потому что прежде чем начать кормить, пояснил:

– Если бы я хотел сделать с тобой что-то плохое, уже сделал бы. Ты можешь выбрать: бояться меня или же доверять. Мое поведение не изменится в любом случае, а вот тебе самой будет легче жить при втором варианте.

Она кивнула. Не потому что побоялась возразить, а потому что чувствовала – он прав.

– Хорошо.

– Умница. А теперь открывай рот, дядя будет тебя кормить.

* * *

«Дядя будет тебя кормить…»

Весь следующий час от мыслей и чувств у нее мутилась голова. Всплывала то одна, то другая брошенная им фраза – каждая с двойным дном. С опаской ожидая появления желания справить нужду, Лайза заставляла себя двигать пальцами рук и ног, к которым медленно возвращалась чувствительность.

Интерьер комнаты начал постепенно надоедать. Сколько можно лежать здесь раскатанным ковриком? (Ковриком без трусиков…)

Мак скоро вернется, чтобы проверить, как она себя чувствует, и диалоги возобновятся. Странные, будоражащие, опасные диалоги, неизменно влияющие на мозг, словно алкоголь и карусель, после которых сознание долго пытается сложиться в прежнюю форму, вращаясь и плавая.

Хуже всего, что она, кажется, ждет этих диалогов. Они избавляют от скуки, занимают разум сложнейшими головоломками и… пахнут мужчиной. Пахнут его проникновением в глубинные слои, где постепенно раскрывает глаза самка-кошка. Ее зеленые глаза уже вглядываются в темноту в поисках бродящего по окрестностям хищника, а ноздри трепещут, пытаясь уловить нотки его запаха, пропитавшего ее территорию.

Как странно.

Она должна бояться. Должна желать одного: двинуть отсюда как можно быстрее, а вместо этого она, кажется, начинает потихоньку мурчать. Ее кормят, поят, обещают помыть…

Щеки тут же вспыхнули.

Лайза вперилась взглядом в намозолившую глаза картину и медленно втянула воздух.

Все происходит слишком быстро.

* * *

– Я связался с твоим начальником, объяснил ему, что ты заболела и какое-то время не будешь ходить на работу.

– А он?

– Попросил справку, подтверждающую наличие болезни.

Лайза поджала губы. Где ее брать, эту справку? Что врать, когда она выйдет на работу?

– Справка у тебя будет, не забивай голову. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

Пребывая в замешательстве от того, что за нее обо всем позаботились, Лайза позволила Маку осмотреть голову, измерить давление и пульс и даже вновь подложить под себя утку. Стерпела и новое прикосновение салфетки, старательно убеждая себя в том, что любая медсестра сделала бы то же самое. Или медбрат. А этот мужик ей медбрат, не более того. Ведь доктору позволяют осматривать любые части тела и касаться их? Что здесь такого?

Тот факт, что от докторов обычно не учащается дыхание и не ускоряется пульс, Лайза решила проигнорировать.

– Болей нет?

– Иногда. Не сильные.

– Хорошо. Пожелания?

– Да… Одень меня, пожалуйста. И еще…

– Что еще?

– Мне скучно.

– Так, одень и скучно. Ладно, что-нибудь придумаем.

Аллертон усмехнулся.

В этот момент Лайзе почудилось, что она вновь нажала на запретную красную кнопку. Мол, повеселите меня. Ага. Выбор метода за вами. Черт, а ведь этот шутник что-нибудь придумает.

Когда за широкоплечей фигурой закрылась дверь, Лайза от волнения прикусила губу.

* * *

Он оставался ей совершенно непонятен, этот странный мужчина. Сначала гнался за ней посреди ночи, потом вливал в лаборатории ей в вены свою кровь, затем проявлял подобие заботы и даже некоторый сексуальный интерес. Или то были просто шуточки? Да, он теперь помогал ей, но результат от того не изменился; единственное, чего Лайза страстно желала, – это как можно скорее покинуть ненавистный дом. Зашевелить руками, задвигать ногами и к черту отсюда! На улицу, на свободу, к нормальной жизни. К работе, друзьям, привычным будням в собственной квартире, где на стене не висит картина с абстрактными линиями, а по дому не ходит здоровяк с мощным торсом и головой-компьютером – человек, от которого никогда не знаешь, чего ожидать. То он серьезен, то вроде бы шутит, то находится слишком близко, то молча смотрит на нее, оставаясь себе на уме.

Хватит. Нужно как можно скорее поправиться после случившегося недоразумения и забыть все, что с ним связано. Включая это место и его хозяина, который как раз стоит напротив и щелкает кнопками пульта. Широкий плазменный экран послушно выдавал списки меню, которые Лайза не читала. Вместо этого она смотрела на собственные ноги.

…В каждую его штанину вошло бы две ее ноги или даже три. Они свисали с пальцев на полметра вниз, хоть бы подвернул, ступней не видно… Хотя зачем подворачивать, если она все равно не может ходить?..

Вернувшись в спальню, Мак переодел ее в свою одежду, а после отнес вниз, в небольшой кинозал – обитую бархатом комнату с кожаным диваном в центре, несколькими креслами и плоским экраном напротив.

Вот тебе и развлечение.

Ладно, кино так кино, все лучше опостылевшей картины с линиями. Зад промял в кожаной подушке дивана удобное углубление – в таком положении тело не кренилось, и Лайза чувствовала себя почти человеком. Теперь она сидела, а не лежала, как почти двое суток до этого.

– Комедия, фантастика, боевик?

Чужие штаны почему-то привлекали больше внимания, нежели голос.

– Триллер, драма, криминал, порно?

При последнем слове она подняла голову и уставилась на него глазами-блюдцами.

– Издеваешься?

– Нет, пытаюсь понять, слушаешь ли ты меня.

– Слушаю, – проворчала Лайза, силясь не думать о том, а не смотрит ли он сам в этой комнате это самое пресловутое порно. Воображение тут же подсунуло картину с мерно ходящими у пояса брюк вверх-вниз руками, полумрак зала, затылок, светящийся экран, стонущая на нем пара и это завораживающее движение, каким накачивают насосом воздух в спущенную шину…

Щеки тут же покрылись предательскими пятнами.

– Комедия подойдет, – поспешно выдавила она, надеясь, что мысли, секунду назад мелькнувшие в голове, не отпечатались на лице крупными буквами.

Видимо, отпечатались: губы Чейзера изогнулись в ухмылке. Не той, мол, «да, я его смотрю» или «да в жизни такого не делал», а в другой – «я понял абсолютно все, о чем ты только что подумала».

Лайза покраснела еще больше. Слава Создателю, маковый цвет ее щек он комментировать не стал.

– Пульт я положу рядом, но ты не сможешь им воспользоваться, поэтому я активирую голосовое управление. Так ты сможешь выбрать другое кино, если тебе не понравится то, что я включу сейчас. Разберешься, как им пользоваться?

– Да.

– Тогда я пойду. Если понадоблюсь, произнесешь вслух «вызвать Аллертона», и сигнал поступит в мой кабинет.

– Поняла.

– Ну все. Не шали тут в одиночку.

Издевается?

Ну, точно! Так и есть: в зеленовато-коричневых глазах вновь застыла усмешка, та самая, что пряталась, как черт на дне пруда; заметишь, только если присмотришься: вроде есть, а вроде и нет; не лицо, а сама благая невинность.

– Как я могу шалить, если у меня даже руки не двигаются?

Намек и тонкость шутки она прочувствовала предельно ясно.

– Ты всегда можешь попросить меня помочь, не так ли?

От такой наглости челюсть Лайзы отвисла почти до пола, а двухметровый остряк, не дожидаясь ответных комментариев, усмехнувшись, удалился из кинозала.

Она не слушала ни вступительные титры, ни жизнерадостные диалоги появившихся на экране героев. Освещение погасло, комната погрузилась в полумрак. Мысли продолжали кружить вокруг последней фразы.

Зачем он постоянно так шутит? С вечными намеками. Провоцирует ее?

Вот ведь любитель слов с двойным дном, не иначе пытается прощупать ее слабые места, и она не будет самой собой, если покажет ему хоть одно.

Лайза раздраженно выпихнула из головы образ двухметрового няньки и какое-то время пыталась сосредоточиться на фильме. Через несколько минут стало ясно, что выбранная кинолента с отсутствием глубокого смысла не сможет впечатлить притязательного зрителя, к коим Лайза себя причисляла, поэтому она принялась разбираться с голосовым управлением.

– Остановить воспроизведение.

Кино послушно встало на паузу.

– Вернуться в главное меню.

Картинка свернулась, вместо нее проступила темно-красная заставка с выбором жанров.

– Перейти в раздел фантастики… романтической комедии… боевики… документальное кино…

Просканировав глазами с полсотни названий, она уже хотела вновь вернуться к комедиям, когда случайно заметила внизу экрана набор дополнительных символов. Отсюда значки казались крохотными, пришлось напрячь зрение, чтобы понять значение хотя бы некоторых из них. Так, это динамик, подключенный штекер (наверное, питание), непонятный флажок с буквой «А», что-то круглое с точкой посередине и часы.

Интуитивно, почти не надеясь на результат, Лайза зачем-то произнесла:

– Интернет.

Красное меню незамедлительно перекрыло девственно-чистое окно браузера.

Дыхание непроизвольно прервалось.

Интернет! Здесь есть интернет! Этот телевизор подключен к сети… невероятно. Хотя почему невероятно? Наверное, новые фильмы скачиваются именно оттуда. (Не на флешках же их носить, в самом деле?)

Мысли закружились подобно подхваченным сквозняком фантикам.

Там, где есть сеть, есть доступ к информации, а где информация, там сила. Что можно узнать, имея голосовой доступ и интернет? Многое. Например, местоположение этого дома. Адрес. А зная адрес, можно позвонить кому-либо и попросить его приехать. Забрать ее, отвезти в нормальный госпиталь, где ей помогут восстановиться нормальные доктора и медсестры, а не этот сумасшедший, непонятно откуда свалившийся на ее голову со своей чертовой погоней и последующим странным лечением.

И там, в нормальной больнице, ей никто не будет протирать промежность влажными салфетками.

При воспоминании об этом Лайза опять покраснела.

Он случайно не стоит за спиной? Не вошел в комнату, пока она от нахлынувших эмоций перестала прислушиваться к звукам вокруг?

В кинозале царила тишина. Ни шагов, ни дыхания, ничего. Тогда она позволила себе успокоиться, сконцентрировалась на экране и тихо, но четко скомандовала:

– Карта Нордейла.

Браузер принялся загружать схематичное изображение города.

– Дополнительное меню. Выбрать «Определить мое местоположение».

В центре экрана возникла розовая стрелка, карта быстро сместилась, дома на ней начали стремительно приближаться и приближались до тех пор, пока не остался виден только один – особняк симметричной формы. Как только приближение прекратилось, справа высветился и адрес: 644802, Лэйтонхилл драйв, 21.

Бинго!

Если бы Лайза могла от радости подпрыгнуть, она бы обязательно это сделала, но так как тело стоически продолжало притворяться безвольным мешком, пришлось тихонько пискнуть.

Так, запомнить, срочно запомнить адрес и как можно быстрее звонить. Вот только кому? Эллион? Да, ей, ведь именно у лучшей подруги мужчина работает в отряде специального назначения, а кто еще сможет лучше справиться с двухметровым похитителем, как не натренированный убийца? Если, конечно, тот окажется дома, а не на работе, и Элли сможет уговорить его приехать.

Должно… Все должно сработать. А если так, то через пару часов она, возможно, уже будет дома, напоенная чаем и окруженная заботой. Элли обязательно будет читать ей книжки, покупать фрукты, будет ежеминутно рядом. Подруга никогда не оставит в беде. Никогда-никогда…

– Звонки онлайн. Загрузить программу, позволяющую звонить.

«Платный или бесплатный сервис?» – вопросило меню.

– Бесплатный.

Лайза поморщилась – лишь бы качество линии позволило услышать речь.

Через несколько секунд на экране возник логотип компании «Сотелл», а после появилась имитирующая настоящую цифровая телефонная клавиатура. Рядом горело «введите номер».

Теперь бы вспомнить цифры и ничего не напутать; от волнения сердце загрохотало отбойным молотком.

– Номер ноль-ноль-один, два, семь, два, четыре-три-девять-три…

Вслед за голосом на экране в узком окошке высвечивалась названная последовательность. Как только последняя была произнесена, раздался щелчок, а следом и первый длинный гудок.

Давай-давай! Только окажись дома! Только возьми трубку!

Второй гудок сменился третьим. Третий четвертым. А четвертый прервался голосом подруги.

– Алло?

«ЭЛЛИ!» – хотела заорать Лайза. Но не заорала. Потому что неожиданно ее рот плотно зажала теплая мужская рука.

– Тс-с-с-с, – произнес знакомый голос в самое ухо, пока на фоне тишины подруга продолжала пытаться услышать собеседника, повторяя «говорите», «алло», «я вас не слышу», – если сейчас пикнешь, сделаю больно, понятно?

Лайза судорожно кивнула. От страха неподвижные конечности начали непроизвольно подергиваться, сердце ускорило и без того частое биение, по вискам потек пот.

Ладонь разжалась; Чейзер быстро обогнул диван, шагнул к экрану и выключил его. Заодно выдернул и шнур питания из стоящего позади роутера. Затем повернулся, медленно втянул воздух и так же медленно выдохнул его.

– Знаешь, как это называется?

Веки полуприкрыты, как у сонного питона, голос спокойный, обманчиво-липкий.

– Я только…

Предупреждающий жест рукой заставил оборвать речь на полуслове.

– Это называется своеволие, – коротко стриженная голова медленно склонилась набок, – а я его не люблю. Ты ведь это запомнишь, правда?

– Не неси! Не неси меня наверх! Поставь! Я хочу кино!!!

– Кино ты уже посмотрела.

– Я больше не буду звонить! Верни меня в кинозал! Ну, пожа-а-алуйста!

– Не заслужила.

Лайза, скребя голой ступней по оклеенной обоями стене, заверещала сиреной.

Ее несли на плече, как куль с мукой. Будь такая возможность, она бы колотила его руками и ногами, выдиралась дикой кошкой и царапала бы все, до чего бы смогла дотянуться. Но так как такой возможности не было, оставалось пронзительно верещать, выводя из себя носильщика.

– Если ты сейчас же не утихнешь, я заклею тебе рот скотчем и буду отдирать только на завтрак, обед и ужин.

Крики тут же смолкли. Осталось лишь обиженное сопение.

– Умница.

В спальне Мак, не более вежливо чем до того, свалил ношу на кровать, выпрямился и раздраженно фыркнул:

– До обеда будешь сидеть в тишине. Хватит с тебя развлечений.

– Но я всего лишь хотела позвонить!

– Кому?

– Подруге!

– Зачем?

– Чтобы дать знать, что со мной все в порядке.

– Так я тебе и поверил. Адрес дома ты выясняла за тем же?

Пленница капризно скуксилась и поджала губы.

Значит, видел.

– Отвечай, когда я задаю вопросы!

На несколько секунд в комнате воцарилась напряженная тишина.

– Да, я выясняла его затем, чтобы она за мной приехала. Чтобы забрала меня отсюда и отвезла в нормальную больницу. Тебе разве было бы хуже? Баба с возу – кобыле легче. У тебя появилось бы время на что-то еще, помимо возни с неходячим пациентом.

Какое-то время Мак, нахмурив брови, молчал. Затем бросил короткое «дура» и вышел из комнаты. Громко хлопнула дверь; закачался на серванте край кружевной салфетки.

Лайза шумно втянула воздух и набычилась.

– Ну вот, я еще и дура, – перед глазами снова висела картина с ненавистными абстрактными линиями. – Сожгу! Выкуплю тебя, увезу и сожгу, поганое творение абстракциониста!

Где-то сбоку тикали часы. Голова не поворачивалась.

Сколько времени осталось до обеда?

В этот раз он кормил ее молча и быстро, как в армии: прожевала кусок, будь добра открой рот и дай засунуть новый. Звякала о край тарелки обеденная ложка, постепенно уменьшалось, перекочевывая в желудок, тушеное мясо.

– А что будет на ужин?

Тишина.

– А ты придешь мне до ужина почитать?

Тишина.

– Поставь мне в комнату радиоприемник.

Все та же тишина.

– Ну, хоть книжку мне принеси и открой! Я буду носом страницы переворачивать.

Нет ответа.

Лайза вздохнула.

Зеленовато-коричневые глаза принципиально не смотрели на нее – вокруг, видимо, существовала комната, окно, дверь, миска и ложка, которую время от времени надо было куда-то подносить, но никак не лежащая на кровати девушка. Призрак. Пустое место. Напроказничавшая шкодница. Более не человек, а дырка вместо рта, куда следует запихивать еду.

– Ну и ладно, – надулась Лайза, – буду сама. Все сама.

Положив в пустую тарелку ложку и салфетку, которой протер ей губы, Чейзер покинул комнату, так и не проронив ни слова.

* * *

Десять минут спустя Аллертон достал из кармана телефон и выбрал из списка нужный номер.

– Рен? Привет. Можешь говорить? Слушай, тут такая ситуация… Если вдруг к тебе придет Элли и попросит помочь ее подруге, не приезжай. Куда приезжай? Ко мне. Да, тут странная ситуация, эта подруга у меня, с ней все в порядке. Просто она не знает, где находится, и не знает, что с ней все в порядке. Я сам обо всем позабочусь, главное, не реагируй. Нет, что говорить своей даме,

придумай сам, это не в моей компетенции.

Выслушав саркастичный ответ, Мак хмыкнул и покачал головой.

– Знаю. Всякое бывает. Сам разберусь. Ты только не ломись ко мне с пушками. Угу. Спасибо, друг.

* * *

Если долго мучиться, что-нибудь получится; главное – упорный и непрерывный труд. Ведь надо тренировать конечности? А как развивать их моторику, если ни стараться ими двигать?

Вот уже полчаса Лайза с упорством бульдозера пыталась перевернуться на бок. То напрягала мышцы пресса и старалась свернуться в кокон, то силилась упереться в матрас пяткой, то переносила вес на вялую и непослушную ладонь – тщетно. Тело чуть раскачивалось в сторону, но переворачиваться не спешило. Пятка оставалась все-таки самым действенным методом.

Истекая потом, Лайза не сдавалась и еще через несколько минут, к собственной радости, сумела перевернуться на живот. А затем снова на спину. А затем, не рассчитав расстояние и совершив еще один поворот, упала с края постели.

* * *

Он нашел ее не на кровати, а на полу, лицом вниз. Заливающуюся слезами.

Осторожно поднял, уложил на подушки и вытер мокрые дорожки на щеках подушечками больших пальцев. Удивительно, но капризная, с мокрыми ясными синими глазами, она нравилась ему еще больше. Ее лицо не портила ни краснота, ни распухшие губы, ни текучий нос. А это умильное выражение, что проступало в периоды «куксинья», всякий раз вызывало у Мака в груди непонятное щекочущее чувство.

– Тебе пока нельзя двигаться – рано.

– Я всего лишь хотела перевернуться, думала, смогу сесть…

– Рано.

– Я так старалась! Так пыжилась! Я вся вспотела…

– Помою.

Лайза икнула и на мгновенье притихла. А потом вдруг вновь разрыдалась.

Чейзер напрягся.

– Ты ударилась? Где-то больно?

– Не-е-ет…

– А чего рыдаешь?

Она смотрела на него со смесью страха и растерянности.

– Что такое?

– Из-за того, что я двигалась и напрягала живот…

Слова то и дело прерывались всхлипами.

– Что?

– Я шевелилась, и вся эта еда…

– Что с ней?

– Теперь я… – Лайза притихла, выпучила полные паники глаза и замолчала. Потом кое-как преодолев внутреннее сопротивление, выдавила: – Теперь я хочу какать.

Он смеялся так громко и раскатисто, что она не знала, то ли хихикать вместе с ним, то ли вновь разреветься от унижения.

Отсмеявшись, Мак провел по своей щеке тыльной стороной ладони и произнес:

– Что ж, леди, вовремя. Я как раз успел переоборудовать один из туалетов, где ты сможешь справлять нужду без моей помощи.

– Правда?

– Правда.

– Спасибо.

– Тогда забирайся на руки, и поехали.

Уже по пути Лайза неуверенно спросила:

– А как же…

– Что?

– Как я буду мыться? Снова… ты?

Он в ответ лишь усмехнулся.

– Ты все увидишь, чудище.

До ужина Лайза провела время в полном комфорте: с успокоившимся кишечником (новый туалет позволял не только сидеть, не сползая, но и подмывал пациента, используя систему фонтанчиков и циркуляции теплой воды) и слушая звуки музыки, что лились из небольшого радиоприемника, настроенного на «Мелодию вечернего города». Помогший справить нужду услужливый нянь все-таки смилостивился и оставил его возле постели, предупредив, что подключение к интернету в данном гаджете отсутствует.

– Позубоскалил, тоже мне… – проворчала Лайза, шевеля пальцами в такт проигрываемой песне. Касаться покрывала было приятно – подушечки понемногу восстанавливали чувствительность. Руки все еще не двигались, но уже и не ощущались бревнами; внутри – то здесь, то там – покалывало, щекотало и иногда чесалось. Прогресс налицо. Так еще чуть-чуть – и свобода, главное – терпение.

В какой-то момент, слушая голос диджея и размышляя о хозяине дома, она провалилась в полудрему, а когда звуки по какой-то причине плавно стихли, заснула глубоким и спокойным сном.

* * *

Начальник в этот день не буйствовал, не отправлял на задания, не устраивал внеплановых тестов и учений, поэтому Мак, сидя в собственном кабинете, просматривал бумаги и наслаждался тишиной. Изредка он отвлекался, чтобы взглянуть на изображение, транслируемое из спальни, и вносил небольшие коррективы: дистанционно приглушал свет, звук, следил за температурой в комнате.

Заснула. Эта маленькая черноволосая бестия наконец успокоилась и предалась покою.

Он улыбнулся, глядя на экран.

Как же все-таки… Неугомонная, пытливая, хитрая. То дерзит ему так, что впору рот с мылом мыть, то бесконечно мучает свои конечности, пытаясь заставить их работать, хотя тем еще отдыхать и отдыхать, то находит во всем возможности и тут же использует их – вот же где изворотливый ум. То падает с кровати, то хнычет «почитай», то превозмогает стеснение и признается, что хочет в туалет, то вновь принимается дерзить, а после умильно краснеет, получив отпор.

Хороший характер. Дерзкий, боевой, вредный. А при такой внешности: больших глазах, мягких губах и красивой груди – вредный характер – это, скорее, плюс. Если она останется такой же дерзкой в постели…

Нет, он думает не о том.

Хотя, о чем еще должен думать здоровый мужчина, глядя на приятную глазу даму? Особенно если эта дама постоянно бросает ему вызов, который хочется принять. Интересно, она осознает, с каким зверем играет или же затрагивает его ненамеренно?

Наверное, не осознает. Не знает, что чем больше женщина строптивится, тем сильнее ее хочется подчинить.

От подобных размышлений внутри вновь начал пробуждаться хищник: лениво открыл глаза, зевнул, выпустил когти, просто так, чтобы полюбоваться ими, а после застыл и прищурился, мол, ну что, может, разомнем кости и начнем развлекаться?

Аллертон мысленно утихомирил зверя.

Рано. Еще для многих вещей слишком рано, хотя сегодняшний вечер определенно станет интересным.

* * *

– Не надо иглы! Нет!!!

Мак, не обращая внимания на заложившие от визга уши, спокойно поставил металлический поднос на тумбу, открыл пластиковую бутылочку и принялся заливать содержимое чаши дезинфицирующим раствором.

– Изверг! Не приближайся ко мне с этим! Даже не думай!

– Будет не страшно. И не так больно, как ты думаешь.

– Нет!

– Да.

– Нет, пожалуйста! Не надо меня колоть!

– Надо.

Залив иглы антисептиком, Мак сел на кровать и посмотрел на Лайзу, которая была готова вылезти вон из собственной кожи, лишь бы избежать предстоящей процедуры – другое дело, тело не позволяло ей этого.

– Ты ведь хочешь начать шевелиться?

– Я и без этого начинаю!

– Процесс может пойти не так, его надо стимулировать на энергетическом уровне.

Жертва закусила губу и принялась поскуливать; глаза наполнились страхом.

– Пусть процесс идет сам собой. Я боюсь! Не надо колоть…

– Тут всего восемь игл. Потерпеть придется всего чуть-чуть.

– Пожалуйста, выбери другой метод! Ну должны же быть какие-то другие методы!

– Именно этот – самый эффективный. И ни в одной нормальной больнице, куда ты так стремилась попасть, никто не знает, как его практиковать. Каждая игла используется для того, чтобы стимулировать точки твоей канальной системы, улучшить циркуляцию энергии, повысить активность иммунной и восстановительной систем. Поверь, после этой процедуры ты начнешь поправляться гораздо быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/veronika-melan/cheyzer

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить